

ДОНГ-ЛИСТ ПРЕМИИ «РУССКИЙ БУКЕР» 2010

Тимур
Кибиров

**Лада,
или
Радость**

хроника верной
и счастливой любви

роман

<http://books.vremya.ru>

Тимур Кибиров

**Лада, или Радость. Хроника
верной и счастливой любви**

Кибиров Т. Ю.

Лада, или Радость. Хроника верной и счастливой любви /
Т. Ю. Кибиров — «WebKniga»,

Перед нами – первый прозаический опыт лауреата Национальной премии «Поэт» Тимура Кибирова. «Радость сопутствует читателю „хроники верной и счастливой любви“ на всех ее этапах. Даже там, где сюжет коварно оскаливается, чистая радость перекрывает соблазн пустить слезу. Дело не в том, что автор заранее пообещал нам хеппи-энд, – дело в свободной и обнадеживающей интонации, что дорога тем читателям стихов Кибирова, которые... Которые (ох, наверно, многих обижу) умеют его читать. То есть слышат светлую, переливчато многоголосую, искрящуюся шампанским, в небеса зовущую музыку даже там, где поэт страшно рычит, жалуется на треклятую жизнь, всхлипывает, сжавшись в комок, а то и просто рыдает... Не флейта крысолова, не стон, зовущийся песней, не посул сладостного забвения, не громокипящий марш (хотя и все это, конечно, у Кибирова слышится), а музыка как таковая» (Андрей Немзер).

Содержание

1. ИНТРОДУКЦИЯ	5
2. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	9
3. КОЛДУНЫ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тимур Юрьевич Кибиров

ЛАДА, или РАДОСТЬ. Хроника верной и счастливой любви

1. ИНТРОДУКЦИЯ

*Слыхали ль вы за роцей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?*

Александр Сергеевич Пушкин

Предлагаемое вашему вниманию литературно-художественное произведение является первым прозаическим опытом нашего автора. И хотя новичком на поприще отечественной словесности Т. Ю. Кибирова никак не назовешь (недавно, между прочим, было отмечено двадцатилетие плодотворной творческой деятельности – и это считая с первой публикации, а с первого написанного стиха так вообще сорокалетие с хвостиком!), и хотя сочинитель этот совсем не робкого (в литературном, конечно, смысле) десятка и, подобно каверинским капитанам и теннисоновскому Улиссу, давно уже начертал на своем щите «To strive, to seek, to find, and not to yield!»¹, тем не менее, невзирая на все это, я ужасно как трушу и смущаюсь и поэтому начинаю все-таки с естественного и привычного лирического песнопения:

Было счастье короче, чем взмах ресницы...
Или снилось мне *то*? Или *это* снится?
Я тебя любила, а ты забыла!
Лизавета, где ты?!

Я взываю во тьму, но ответа нету!
Осыпается наше с тобою лето.
Отошла в поля ты в лучах заката.
Кто же нынче, Лиза,

Твои глазки, коленки, ладошки лижет?
Ты все дальше, Лиза, а смерть все ближе!
Только мнится – разлука с тобой страшнее
Залетейской стужи!

Кто же, Лиза, теперь тебе верно служит?
Дай те Бог, чтоб служил он меня не хуже!
Здесь нам пел жаворонок, а днесь ворона
Мне пророчит гибель!

Были мы богиням подобны, ибо
Мы с тобою бессмертными стать могли бы,
Ведь любовь же, Лизанька, крепче смерти!
А ведь мы любили!

¹ Держать, искать, найти и не сдаваться. (Перевод Г. Кружкова.)

Но иное судьбы – увы – судили!
Расстоянья меж нами, версты, мили!
Так прощай, Лизочек, прости, дружочек,
Поминай как звали

Ту, кого целовала ты, миловала,
И пускала тайно под одеяло,
Для кого запах кожи твоей дороже
Благовоний рая!

Вспомяни же, с другом другим играя,
Наши игры на солнышке у сарая,
В надувном бассейне златые брызги
И блаженства визги! —

вот так, наверное, приблизительно так звучал бы горестный плач безутешной Лады в переводе на человеческий, русский язык.

Но переводить было некому, а Александра Егоровна никаких иных языков не знала (разве что совсем чуть-чуть церковно-славянский), поэтому она слышала только неумолчный и безобразный вой и бессмысленный скулеж. О пронзительности же Ладиных причитаний мы можем судить по тому печальному обстоятельству, что из-за них сильно глуховатая баба Шура уже который час не могла уснуть.

– Господи, да что ж это такое? что ж она не утомится-то никак?! Это ж с ума же можно сойти! Да замолчи же ты уже, наконец, паразитка! – шептала в темноте несчастная старуха, кляня свое неразумие и не совсем уместно поминая порося из народной мудрости.

Старенькие, еще мамины настольные часы пробили полтретьего. На мертвенно бледных занавесках колыхались смутные тени ветвей. Под завывания Лады все в доме казалось непривычным, чуждым и даже каким-то страшноватым. Да еще бессердечный Барсик, вместо того чтобы, как заведено годами, мурчать на хозяйкином пододеяльнике, забрался то ли от страха, то ли от раздраженной спеси на шифоньер и замер там таинственно и мрачно, мерцая своим единственным глазом – ни дать, ни взять ворон на бюсте Паллады.

– Так тебе и надо, дура старая, вот тебе твоя обновка, вот тебе туфли-лодочки! И уютю в придачу!

Спать и даже просто спокойно лежать Александре Егоровне было невмочь, подушка уже давно была горяча с обеих сторон, а перина еще жарче и неудобнее. Сердце-вещун ныло и нашептывало всякие неприятные глупости и несурзности, с которыми усталая голова не могла уже совладать.

– Да что ж такое за наказание?! Да не бешенная ли она часом?! Царица Небесная, спаси и сохрани!

И тут, словно во исполнение молитвы, истошные Ладины крики внезапно смолкли, и сентябрьская ночь исполнилась блаженной тишиной.

– Слава тебе Господи, слава тебе Господи! Наконец-то! Ну наконец-то, – поторопилась обрадоваться бедная бабушка.

Ох, не тут-то было! Лада и не думала униматься, она просто переводила свой скорбный дух. Мгновенное затишье миновало и отвратительные звуки с новой, невиданной силой взвились к равнодушному небу и обрушились на обитателей избушки. И на сей раз надменный Барсик не выдержал и вступил вторым голосом, к которому через несколько секунд присоединился третий – дребезжащий от непривычки орать голосок самой Егоровны:

– Да замолчите же вы! Заткнись, заткнись, зараза!

Никто не затыкался. Трудно было поверить, что эти звуки исходили из глоток обыкновенных земных существ, а не проклятых душ, оплакивающих свою незавидную загробную участь! С нами крестная сила! Тут уж впору было страшиться не мифического бешенства, разносимого, по уверениям центрального ТВ, ежиками, а вполне реального и ужасного беснования и осатанения!

Что-то надо было, наконец, делать. Так ведь и рехнуться недолго на старости лет. Егоровна, скрепя робкое сердечко, встала, надела очки и, нащупав босой ногой старые калоши в дверях, – холодно-то как, бр-р-р-р! – вышла из мрака сеней в призрачный сизый предутренний свет.

В сыром ночном тумане смутно белела маленькая фигурка, которая при появлении в свою очередь белеющей в ночной рубаше старухи заголосила пуще прежнего, переходя на уж совсем какой-то душераздирающий писк и хрип.

– Спустишь ее, что ли? У Харчевниковых-то набаловалась, так теперь, видать, не вмоготу... Да ведь потопчет же все в огороде, поганка... Искусает еще... Ишь как рвется. А ну подохнет?... – Старушка неуверенно и как-то бочком подходила все ближе и ближе к беснующейся Ладе. – Ну что, ну что, ну будет тебе уж... Ну давай пуцу, что ли... Только ты не очень...

О нет! Никого не покусала и ничего не подавила освобожденная Лада, ни одна грядка, ни один цветочек не был смят ее легкой стопой!! До грядок ли ей было, до чужих ли старух!

Как вихрь, как молния, как маленькая, но беззаконная комета вырвалась Лада из рук оторопевшей бабы Шуры, пронеслась к запертой калитке, подпрыгнула, сорвалась, опять подпрыгнула, зацепилась, повисла, завизжала от боли и отчаянья, напряглась всем своим ничтожным белым телом, несуразно засучила и заскребла ногами и перевалилась-таки через штакетник, и почесала, и почесала, растворяясь в белизне проселка – туда, туда в сторону шоссе, по которому в прошлой жизни, отражая стеклами и новенькой полировкой вчерашний закат, увезла ее бедную Лизу родительская «Тойота». Туда, туда, в туманную даль умчалась новейшая Миньона, не обернувшись на голос постылой старухи, не снизойдя к ее мольбам и пеням.

А Александра Егоровна осталась одна посреди деревни и, видимо, в целом мире, – такая вдруг наступила странная тишь и мгла. И ладно бы просто одна (тем более что обрадованный исчезновением Лады беззвучный Барсик уже терся вокруг старушкиных ног), но этот целый мир был ни капельки не знакомым, абсолютно неведомым, таинственно безмолвным и, кажется, бесчеловечным. Что это там такое темнеет – совсем непохожее на тупицынский дом? что же это там высится такое непонятное за мостками? что это так зловеще стелется и шевелится? что мерцает там за туманами? и что это за такие невиданные колдовские туманы? Что это все значит? Откуда и зачем это? Что я-то тут делаю, и как же мне быть-то среди всего этого огромного, чужого и непонятного?

Да Господь с тобой, тетя Шура! Это же твоя родная деревня! Вон тупицынский дом, вон старый тополь, вон за Медведкой поднимается лес, где любая стежка-дорожка хоть и позаросла, но ведь знакома, хожена-перехожена, ну что ты? Это все с непривычки, просто ты уже лет шестьдесят не была на улице в это время суток, буквально с безвозвратных дней такой же туманной юности, с незапамятных времен гуляний-милований с Ванюшей-моряком, да и тогда все, конечно же, другое было – брехали собаки, петухи пели, пахло скотиной, деревня во сне бормотала, ворочалась, дышала и жила; а теперь до весны никого уже здесь не будет – только ты да Барсик, да на другом конце Ритка Сапрыкина.

Ой, нет, не только!

Про Жорика-то мы забыли! А он, безобразник, тут как тут, подкрался сзади на цыпочках да в самое старушкино ухо ка-а-к гаркнет: «Стоять!! Вихрь-антитеррор!! Руки на капот!!» – тут из Егоровны и дух вон.

Ну не совсем, конечно, так, на несколько загробных мгновений.

Многолетний перегар Жорика, на руки которого и повалилась бесчувственная Егоровна, подействовал что твой нашатырь и вернул нашу любимую героиню на этот свет.

Где ее приветствовал бессмысленный и бесстыжий хохот:

– Ну чо, старая?!

Кому не спится в ночь глухую? —

Собаке, сторожу их...!

2. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

*Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, спрошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?*

Федор Иванович Тютчев

Читатель вправе поинтересоваться:

– Ас каких это щей, Тимур Юрьич, заглавная героиня носит такое дикое, отчасти славянофильское имя? И не означает ли это, что вы, уже давно и справедливо заподозренный в религиозном фундаментализме, решились к голимому православию присовокупить до кучи и самодержавие с народностью, и не явится ли ваш, с позволения сказать, роман «смесью Каткова и кутьи», от каковой неаппетитной смеси тошнит уже русскую словесность – «да вот беда, что дело не дойдет до рвоты»? А?

– Нет, милый читатель! Не тревожься и не надейся, ничего такого Лада не означает. Более того, ее кличка никак не связана и с Ладой Владиславовной Афониной, моей давнишней работодательницей и подружкой. Равно как и с популярной некогда песней (музыка Шаинского, слова Пляцковского) или с мало популярным автомобилем.

Дело все в том, что поименовавшая мою героиню Лизка Харчевникова была девочкой необычайно странной, прямо не от мира сего, так что мамаша в сердцах часто даже обзывала ее имбецилкой, а любящий, но глупый отец мечтательно подозревал, что у него растет ребенок-индиго.

А все потому, что их худенькая, белобрысенькая и – увы – очень некрасивенькая пятиклассница ни с того ни с сего пристрастилась к чтению, так что даже предпочитала это необычайное и старинное занятие всем иным забавам и утехам. Правда читала она, бедняжка, в основном всякую попсовую дребедень, которую нежный родитель, невзирая на запреты и угрозы крикливой супруги, покупал для нее на книжных лотках, в киосках и у сладкоречивых книгонош в электричках.

Всю четвертую четверть прошедшего учебного года и начало летних каникул Лизочка была погружена в мистические миры Буй-Тура Воеводина, пожалуй, самого хваткого и беззастенчивого из перелагателей Толкиена и Роберта Желязны на язык «Дома-2» и «Антикиллера-3». (Говорят, кстати, что под грозным псевдонимом скрывается выпускница Литинститута, популярный ди-джей радио «Отрыв» и колумнистка нескольких периодических изданий Ада Минглет.)

Особенно Лизе понравилась седьмая часть буй-туровой эпопеи – «Воительницы Лукоморья». Одна из этих, облаченных, судя по обложке, в бронированные бикини, славяноросских валькирий обладала удивительной способностью обращаться из натуральной блондинки то в белоснежную степную кобылицу, то в белокрылого сокола или среброкрылого лебедя, а то и в белокурую (sic!) волчицу! Что не раз помогало ей наводить ужас на орды зверообразных врагов земли святорусской. Поэтому, когда юная читательница, зачарованная веселостью и ласковостью не менее белокурого собачьего подростка, выклянчивавшего горелую говядину у придорожной шашлычной, упростила папу, а тот ценой невероятных унижений и несбыточных обещаний умолил главу харчевниковской семьи приютить бездомную собачку, вопрос о кличке решился мгновенно.

Так Лада оказалась на даче у капитана транспортной милиции Алексея Харчевникова. А если говорить честно – какая уж там, прости господи, дача! Обыкновенный среднерусский пятистенок, сложенный еще Лешкиным прадедом и обезображенный стеклопакетами, ламин-

натом, телевизионной тарелкой и жирной душой-женой, в отличие от Лады – совсем уж ненатуральной блондинкой.

И было лето, ослепительное щенячье лето, и вспыхнувшая с первого взгляда любовь Лады и Лизы разгоралась с каждым днем ярче и жарче.

Конечно, Ладе случалось в эти два блаженных месяца знать и печали, особенно в первые дни, когда она никак не могла уяснить, что не все в ее новом доме готовы разделить ее веселонравье и душевную открытость, и бывала нещадно и обидно бита Лизиной мамой, которую бы, по-хорошему, саму следовало выпороть как Сидорову козу за постоянную раздраженность и злобную глупость.

Но вскоре сообразительная Лада научилась тому, что Лиза – увы – умела с младенчества: не попадаться на глаза и под горячую руку этой разжиревшей на немереных ментовских бабках халде. Это было, в общем-то, не сложно, поскольку капитанская жена целыми днями валялась или на кровати перед телевизором или на надувном матрасе с «ТВ парком», загорая – иногда (к восторгу подглядывающего из-за призаборных кустов Жорика и к нашему омерзению) топлесс. Но о Жоре чуть позднее.

Даже категорический запрет брать «эту шавку» в постель подружки довольно часто умудрялись нарушать, стоило только Зойке (так и слышу ее визжащий голос: «Кому Зойка, а кому Зоя Геннадиевна!» Да ради Бога! Хоть мадам Харчевникова) недостаточно плотно припереть дверь на веранду, где шавке положено было ночевать, как Лада, искусно орудуя своим замшевым носом и передними лапками, растворяла эту исцарапанную ею дверь и, цокая коготками в ночной тиши, пробегала к Лизину дивану, и там, в лунном и соловьином сиянии, льющемся из окна, начинались тихая возня, лизание, девчачьи прысканья в подушку, горячий шепот и уморительные стоны райского наслаждения, когда Лиза чесала пальчиком глубоко внутри нежного Ладиного уха. Главное было, чтобы Зойка не проснулась утром раньше преступной парочки и не застала Ладу лежащей в Лизиных ногах, – так Лиза и не смогла приучить ее спать рядышком, головой на подушке: настоящие собаки этого почему-то не любят, поваляться поваляются, а потом уходят на другой конец кровати и, покрутившись, со вздохами укладываются там. Хотя вообще это, конечно, форменное безобразие, и в немецкой книжке о воспитании собак была, я помню, специальная глава о таком баловстве – «Фриц на кушетке». Но *мой* покойный немец с моей подначки и попустительства почивал исключительно на кушетках и кроватях, и нынешней моей дворняжке это тем более позволено – так что лично я Лизу понимаю и нисколько не осуждаю.

Помимо всех прочих нечаянных радостей, которыми Лада наполнила Лизину жизнь, благодаря ей в первый и последний раз Лиза стала пользоваться и даже злоупотреблять успехом, впрочем не очень долгим. Сначала малышня, а потом и стайка кичливых отроковиц, никогда доселе не обращавшая на невзрачную и тихую Лизу никакого внимания, стали домогаться Лизиной дружбы и позволения поиграть с веселой собачкой, погладить ее по белой (точнее светло-светло-палевой) шерстке, угостить ее чипсами или шоколадкой, не говоря уже о том, чтобы бросить ей палку на середину пруда и потом, когда она приплывет обратно и, отряхиваясь, забрызжет всю визжащую компанию, пытаться вырвать эту полуизгрызенную палку из пасти расшалившейся, непослушной и мокрой Лады.

Бедненькая Лиза даже немного заважничала: «Господи, ну сколько можно повторять! Ну я ведь говорила, что ей „Чупа-чупс“ категорически нельзя. Ну все, хватит, собака устала. Лада, Лада! Ко мне!». Довольно скоро, однако, Лада потеряла для ветреной младости прелесть новизны, и компания будущих блондинок опять стала недоступной и презрительной. Да и бог с ними с этими дурочками, пусть себе упиваются своими бабл-гамами, ай-подами и биланами, Ладе и Лизе и без них было хорошо и весело на Дальнем пруду.

Этот водоем на месте старого песчаного карьера был не так уж далек от деревни – метров триста-четырееста, Дальним же его прозвали для отличия от другого пруда, который распола-

гался в самой деревне и на сегодняшний день совсем захирел и превратился в заросшую лужу, почти пересыхающую к началу августа.

Дальний пруд, конечно, тоже был сильно испакощен и мало походил на то прохладное кристальное чудо, которое хранилось в памяти Александры Егоровны. Сквозь мутную, взбаламученную кишащей человеческой плотью воду уже нельзя было рассмотреть, как тогда, девственное песчаное дно, берега поросли всякой мусорной ерундой, исполинский сосновый бор на западном берегу был давно истреблен дачным кооперативом Вознесенского химического завода, и не стало тех вкуснейших маленьких карасиков и золотистых линей, которых маленькая Саша ловила с братом на незапамятных рассветах, когда огромное солнце восходило за их спинами, постепенно разгоняя седой туман и превращая оловянную гладь в червонное золото, и там, на этом предутреннем пруду, однажды также медленно и величаво, как солнце, вышел из лесу огромный сказочный зверь с разлапистыми великанскими рогами и отразился в воде, и долго стоял недвижимо, сумрачно глядя на онемевших от восторга и ужаса детей.

Всего этого волшебства уже не было и в помине, но и того, что еще оставалось, хватало с лихвой для тех, кто понимает, а наши подружки были как раз из этого счастливого числа.

Лада оказалась собакой на удивление водоплавающей, просто какая-то выдра, Лиза тоже в этом отношении не знала никакой меры, благо взрослых с ними почти никогда не было – так что и собака, и девочка высохли только под вечер, а с утра, счастливо ускользнув от Зойки, опять мчались на пруд.

Да что говорить, вы ведь и сами все прекрасно понимаете и помните!

Но недолго – всего полторы недели – наслаждались наши аграфены-купальницы плаванием по-собачьи и нырянием солдатиком со скользких подгнивших мостков. В один прекрасный день (а дни этим летом практически все были прекрасны, как на картинке из рекламы «Домика в деревне») Лизка, выходя из воды, здорово распоролла пятку об осколок пивной бутылки. Рана быстро (как на собаке) зажила, но успела страшно перепугать папеньку и разозлить маменьку. Купания в «этой помойке» и «гадюшнике» и с «этими подонками» были категорически запрещены.

Два дня подружки промаялись, исходя завистью к усталым, но довольным и мокрым счастливицам, возвращающимся с пруда в длинных косых лучах июльского вечера. Но на третий день потный Харчевников привез из города разноцветный китайский надувной бассейн – Лизе почти по пояс, а Ладе вообще с головкой! И хотя веселия глас смолкнул буквально через пять минут после начала водных процедур и сменился перепуганным безмолвием, поскольку собачка в восторге упоенья то ли прокусила, то ли процарапала пластиковую стенку у самого основания, и маленький, но стремительный ручеек все ближе и ближе подбирался к принявшей солнечные ванны Зойке, но все обошлось благополучно – разомлевшая стерва дрыхла и ничего так и не заметила, а рукастый капитан тут же аккуратно и надежно заклеил пробоины латками из старой велосипедной камеры.

Вот в этом сверкающем вместилище роскоши, прохлад и нег Лада с Лизой и проводили большую часть знойного светового дня, а меньшую, но не менее упоительную – в тайном убежище между сараем и забором, в узкой щели, которую папка покрыл ветхой парниковой пленкой. Там было, конечно же, одуряюще жарко, но зато укромно и уютно, а во время слепых дождей и грибных ливней лучшего места и придумать было невозможно.

Здесь на старом покрывале Лиза, вгрызаясь смешными заячьими резцами в яблоки, становящиеся с каждым днем все слаще, изумленно читала «Нарнию», изданную благодаря голливудскому фильму в той же массовой серии, что и Буй-Тур, а Лада спала буквально без задних ног, и, судя по движениям этих ног, во сне за кем-то гонялась и баловалась.

Здесь, кстати, произошло и знакомство Лады с соседским Барсиком. Этот пожилой кот, утративший в битвах и волокитстве правый глаз, сохранил, тем не менее, юношеское любопытство и прокудливость. Движимый этими неистребимыми кошачьими свойствами он и сиганул с

крытой толью крыши сарая на полиэтилен, укрывающий Лизину обитель, и свалился буквально как гром на голову разоспавшейся Ладушке. Последовавшая стремительная погоня закончилась серией молниеносных и точных ударов, окровавивших баззащитный собачкин нос. Почти две недели после этого белая мордочка была разукрашена, как лица американских коммандос, бриллиантовой зеленью, именуемой в просторечии зеленкой. Но это не прибавило осмотрительности четвероногой балбеске, и вскоре Ладка была снова уязвлена в то же чувствительное место – на сей раз ужасным шершнем, таких невероятных размеров, какие вам, читатель, и в страшном сне не снились!

В общем, на вопрос, мучивший меня в старших классах, —

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду в ночной глуши,
Иль мрачные, порочные услады
Вина страстей, погибели души? —

я со всей определенностью отвечаю – ни то ни другое! Настоящее, всамделишное счастье – это вот эти вот щенячьи восторги и девчачьи визги, эти солнечные плески и блески, эти розовые лепестки шиповника (также именуемого, кстати, собачьей розой) нанесенные теплым Зефиром в бассейн, на одном из которых плыл, как на лодочке, черненький суетливый муравьишка, и вон та синяя-синяя, большая-пребольшая туча, медленно взбухающая над лесом, чтобы к полудню на радость огородникам и садоводам обрушиться громокипящей живительной влагой и уйти дальше, в сторону Коммуны, и там возводить с двух разных концов земли прозрачную и многоцветную триумфальную арку, – все это Елизавета Алексеевна Харчевникова будет вспоминать всю свою не слишком задавшуюся жизнь и улыбаться.

Но, как поется в старой казачьей песне: «Все имеет свой конец, свое начало», особенно летние каникулы. Все длиннее становились ночи, все прохладнее и мимолетнее дни, все ярче рябина и малиновее слива, все заметнее делались предательские прядки в кронах зеленокудрого леса, и все гуще и дольше стлались утренние туманы над Медведкой.

И так же неумолимо сгущались и метафорические тучи над белобрысыми и беспечными головами Лады и Лизы.

3. КОЛДУНЫ

*Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! Все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но все с тобой
Душой.*

Василий Андреевич Жуковский

Деревня, в которой произошли и еще произойдут описываемые мной события, по-настоящему должна бы называться Малыми Колдунами, но поскольку Большие Колдуны, расположенные верстах в семи вниз по течению Медведки, еще в двадцатые годы, благодаря хулиганскому обыкновению коммунистов похабить карту России именами убийц, стали называться Коммуной имени Розалии Землячки, уменьшительный эпитет потерял всякий смысл и постепенно забылся.

Кстати, и название райцентра – Вознесенск, звучащее для неосведомленного чуженина столь благолепно, на самом деле было дано в честь героя гражданской войны Артема Вознесенского, небольшой, но конный памятник которому у здания городской администрации доселе встает на дыбы и указывает буденовской шашкой в даль. В свое время группа творческой и технической интеллигенции (впоследствии оказавшейся компрадорской), перевозбужденная коротичевским «Огоньком», пыталась даже организовать движение за возвращение городу исторического названия – Скотопригоньевск, но поддержки у горожан, разумеется, не нашла.

Происхождение странного сказочного топонима мне, к сожалению, неизвестно. Во младенчестве Александра Егоровна была твердо убеждена, что своим чудным названием родная деревня была обязана деду Матвею Голошапову, сумрачному вдовому кузнецу, явному и злому волшебнику. Но большинство ее сверстников судили иначе, в кузнеце не усматривали ничего такого колдовского, а вот Евдокию Богучарову – злобную и горбатую Сашину тетку – почитали не без основания ведьмой.

Взрослые же обитатели деревни или равнодушно пожимали плечами: «А шут его знает, Колдуны и Колдуны», или начинали, во хмелю, заведомо привирать – иногда довольно искусно. Никаких настоящих дедовских преданий на эту тему, к несчастью, не сохранилось.

Вообще нельзя сказать, чтобы жителям деревни так уж нравилось ее название, подозреваю даже, что они втайне завидовали обитателям Коммуны – тем более что те, абсолютно не помнящие родства, глупо, но обидно дразнились: «Колдуны, колдуны, потеряли штаны», из-за чего нередко случались междоусобные бои на кулачках или даже на кольях, орошающие берега тихоструйной Медведки братской кровью из разбитых сопелок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.